

няли заимствование из индо-иран. **snay-* (ср. др.-инд. *snauti* 'течь')⁷, а Шютц обнаружил соответствие в немецких гидронимах верхнего Майна (нем. *Schney*; стар. *Znuwia*, *Cenewe*, *Cenewa*, XI в.), возводимых к слав. **sny* / **snъvъ*, от и.-е. **sneu-* 'течь', что затем признал и Трубачев⁸. Не следует ли, однако, обратить внимание на новг. *оснутки* 'водоворот' [НОС 7, 27], которое явно и по корню, и по значению близко к *Снова*, *Сновъ*, и далее на нижегор. *оснѡвной* 'хороводный' [СРНГ 24, 35], которое при том же потенциальном корне обнаруживает семантику кругового движения и тяготеет скорее к гнезду праслав. **snov-* 'сновать' (< и.-е. **sneu-* 'вертеть' и 'быстро поворачиваться, двигаться') [Рокоту 1, 1053])? Очевидно, что и в *оснутки* 'водоворот' обозначение водного объекта мотивировано круговым движением, так что *оснутки* и *оснѡвной* являются потенциальной структурно-семантической связью между **snuti* и *Снова*, *Сновъ*. Примечательна и возможность функционирования слав. **snovati* в качестве обозначения однонаправленного движения: ср. чеш. диал. *snut' sa* 'идти, лезть, проникать' [Machek, 593: *snouti*], польск. диал. *wysnuć się* *'вырваться, высипаться' [о шершнях, Karłowicz 6, 231]. В структурном отношении *Снова*, *Сновъ* могут с равной степенью вероятности восходить и к **snъva* (как немецкие славянизмы), и к **snova*. И для слав. **snuti*, кажется, не исключена возможность образования имени со структурой **snъva* (ср. итератив ст.-слав. *оснывати*, с.-хорв. *osnivati*). Во всяком случае, близость русских диалектизмов, производных от **snuti*, к *Снова*, *Сновъ* делает необязательной производность последних от и.-е. **sneu-* 'течь'.

А. А. Калашников
Москва

Об этимологии русского диалектного *рог*

В новгородских говорах отмечено существительное м. р. *рог* 'злоба, злость на кого-л.': *Вскипел рог на человека, надо же сказать такое* (Новгородский р-н Новгородской обл. [НОС 9, 143]). Это слово еще как будто не получило интерпретации в этимологической литературе. Между тем можно думать, что перед нами – образование исключительной древности, своего рода реликт, с характерными связями за пределами славянских языков.

⁷ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 149.

⁸ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2002. С. 398.

Для начала посмотрим на ближайшее окружение анализируемой формы. В новгородских говорах отмечено и существительное *рог* с целым рядом значений, несомненно производных от основного значения этого слова в русском языке – ‘согн, рог, вырост из костного вещества на черепе у некоторых животных’. Эти значения таковы: ‘мыс; крутой поворот реки; рукав реки; залив у реки; участок леса, вдающийся в виде полуострова в чистое поле; сенокосный или пашенный участок, отходящий в сторону; течение воды в реке от одного берега к другому; межа между полями; деревянный подойник; деталь ткацкого станка’. Отмечен также ряд топонимов, в составе которых имеется компонент *рог*, в частности названия мысов [НОС 9, 142–143]. От всех этих значений значение ‘злоба, злость на кого-л.’ отстоит весьма далеко и определенно из них не выводится.

Теперь рассмотрим возможность развития значения ‘злоба, злость’ непосредственно из значения ‘согн, рог’. В словаре В. И. Даля в статье *рог* находим такие переносные (иносказательные) значения этого слова: ‘сила, крепость, власть, могущество; киченье, надменность’; *Сбить с кого рога* ‘смирить’, *Рогом стереть* ‘силою, властью’, «...у нас рога всегда означали... моготу или гордыню, киченье, упорство» [Даль² 4, 99]. Ср. еще глаголы: *рога́тить*, пск. ‘мешать делу, портить, идти наперекор’, *рогаться* ‘упрямиться, не соглашаться’ [Даль² 4, 100]. Как можно видеть, существует некоторая вероятность метафоризации ‘рог’ → ‘сила’ → ‘надменность’ → ‘злоба’ (?). Применима ли эта схема в рассматриваемом случае?

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Во всех случаях переносного (иносказательного) употребления существительного *рог* и его производных сохраняется явная связь с исходным значением. Общность в этих случаях вполне прозрачна: речь идет о демонстрации или же употреблении рогов (упирании, бодании и под.), ср. еще характерное выражение *Рогá в землю!* – о воинственном состоянии (человека), урал. [СРНГ 35, 118]. Рассматриваемый новгородский случай – совсем иного рода. Здесь *рог... вскипел*, т. е. совершенно не выражена связь со значением ‘согн, рог’. Связь же эта, подчеркнем специально, обычно сохраняется. Представляется, что рассматриваемое слово генетически не имеет ничего общего с рус. *рог* ‘согн’.

На наш взгляд, новгородское существительное *рог* ‘злоба, злость на кого-л.’ представляет собой имя с корневым вокализмом -о-, соответствующее некоему глаголу с корневым вокализмом -е- (древние апофонические отношения). Непосредственно на славянском языковом пространстве такой глагол указать пока затруднительно, зато мы располагаем подходящими балтийскими фактами. Таковы латышские глаголы

rēgl. -dzu ‘гневаться, злиться’ и *rēd-ēt* ‘злиться, гневаться, питать злобу к кому-л.’ [LVR III, 518]. Семантическая сторона этого сопоставления очевидна, вплоть до полного совпадения лексического значения (отличается лишь категориальное). Никаких препятствий формального плана не обнаруживается. При такой интерпретации форма, вынесенная в заглавие этого этюда, перестает быть изолированной. Мы приходим к выводу о возможности реконструкции для праславянского уровня особой формы **rogъ II*.

Е. Е. Королева
Даугавпилс

К этимологии гнезда *зимогор* в старообрядческих говорах Прибалтики

Традиционно старообрядцы Латвии и Литвы занимались земледелием, а в зимнее время уходили на заработки в города. Мужчин, занимавшихся отхожим промыслом, называли *бурлаками* и *зимогорами*. Одним из видов отходничества был извоз. Лексическое гнездо слов с опорным компонентом *зимогор* в говорах старообрядцев Латвии и Литвы представлено только тремя единицами – *зимогѳр* ‘человек, уходящий в город для занятия отхожим промыслом’, *зимогѳрничать* ‘заниматься отхожим промыслом’, *позимогѳрничать* ‘посвятить небольшой период времени занятию отхожим промыслом’: *Што и ты, как зимагѳр, хатѳл в зиму астаѳься? Так гаварѳли давнѳй, как в зѳработки ѳздили. Зимагѳр гаварѳли и бурлак* (лтш.); *Зимагѳры хѳдзют и зимагѳрничают на фсямѳ свѳту* (лит.); *Зимагѳры капѳют канѳвы* (лит.); *Пазимагѳрничал нѳскаѳька лет и уѳхал кудѳ-та* (лтш.) [МССГП, 110, 234].

Старообрядцы Эстонии традиционно занимались рыбной ловлей и огородничеством (умели хорошо выращивать лук и огурцы), отхожие промыслы были связаны со строительством, извозом они не занимались. Лексемы из анализируемого гнезда слов в языке старообрядцев Эстонии отсутствуют, и это весьма показательно.

По данным Словаря русских народных говоров, лексема *зимогор* и ее производные с теми же значениями известны в среднерусских и северных говорах, на территориях Верхней и Средней Волги и Урала [СРНГ 11, 280–281]. Но в отличие от языка старообрядцев Прибалтики у этого слова на территории России имеются еще значения с отрицательной коннотацией: ‘босая, бродяга’, ‘грязный, оборванный хулиган’, ‘непоседливый, неуравновешенный, безалаберный человек; кутила, мот’. Оно может использоваться просто как бранное слово, что помимо указанных в СРНГ территорий зафиксировано также в говорах Архан-